

Как сыграть китайский чай

Монолог Хенна РАЯЛО,
режиссера Тартуского народного театра
имени Э. Вильде

В биографии Хенна Раяло разобраться трудно. Он собирался стать филологом и занимался в Тартуском университете. Долго был на клубной работе. Окончил пединститут, откуда вышел с дипломом режиссера народных театров. Теперь он — заместитель начальника ОТК на опытном заводе пластмассовых изделий. Его всегда притягивала сцена, с подмостков которой можно сказать столько важного и интересного, но на сцену сам он выходит редко, потому что режиссерская деятельность в народном театре отнимает много сил и времени. Все перепелось в его биографии. Но одно можно сказать наверняка: победил театр. Связав с ним судьбу тринадцать лет назад, Хенн Раяло никогда больше с театром не расставался. И, не в ущерб, конечно, основной своей работе, отдает ему буквально все время.

это огромное счастье — играть на сцене. Просто играть. И уже не важно, какую дадут роль — главную или второстепенную, не важны проблемы конкуренции. Превыше всего — желание жить на сцене. Не для кого-то — для себя. Мне, например, не приходится в голову задумываться, кто из моих актеров мог бы стать профессионалом. Хотя, если задуматься, можно было бы и найти, потому что по-настоящему способных людей у нас достаточно. Но способности эти, убежден, направлены в нужное русло, когда театр становится средством самообогащения. Этим он и необходим.

Мы очень много времени проводим вместе. Не только на репетициях. Но об этом потом. Я сейчас о другом вспомнил: о совместной нашей поездке в Ленинград. Очень многое понравилось. Но в одном театре, не буду его называть, актеры наши были крайне неприятно поражены тем, что увидели. А увидели мы на сцене халтуру. Такого, убежден, не встретишь ни в одном народном театре. Может быть, потому, что в народный театр как раз и приводит стремление выложиться полностью, без остатка? Стремление тем самым наполнить свою собственную жизнь?

...Сколько в нашей труппе актеров? По спискам — больше двадцати пяти. Но я уже говорил, что у народного театра свои сложности с актерами, с их занятостью,

поэтому активным составом можно считать лишь человек пятнадцать. Плюс школьники. А школьники в наших спектаклях часто заняты. В нашем любимом — сказке Евгения Шварца «Два клена». И в новом, «Чиполлино» по Джанни Родари, в массовке — школьники. Откуда мы их берем? Актеры наши приходят. Например, у Галины Шаровой, как в пятом классе учиться, а у Владимира Глазунова — в шестом. Вот одноклассники этих девочек и приходят к нам в театр, с удовольствием и репетируют, и играют. Однажды по просьбе сыграли мышей в «Двух кленах», а потом уже сами стали бегать: когда новый спектакль будете ставить, мы тоже хотим. В «Чиполлино» у них работы хватает — и Лимончики, и деревенские ребятишки. Дети есть дети: им и играть интересно на сцене, и сверстникам показаться интересно. А сверстники эти, зрители, тоже рады посмотреть на сцене таких же точно, как они сами, ребят.

Кстати, на сказках мы воспитываем себе будущего зрителя. Труппа маленькая, из-за этого пьесы выбирать труднее. Но мы не спешим — ставим примерно один спектакль в сезон. И играем его. Но старые постановки тоже не забываем. Так и набирается постепенно репертуар: «Двери хлопают» М. Фермо, «Долгожданный» А. Салынского, «Жизнь Антуана де Сент-Экзюпери» Л. Малиюгина — его еще прежний руководитель труппы, Софья

Карловна Каменская, поставила. Это для взрослых. Где мы только их ни играли — и в Тарту, и в Калласте, Муст-вез, в Пскове, в Нарве. А «Два клена» были первым опытом работы для детей. Тут мы попали в точку. Не только потому, что спектакль шел около 20 раз при полном зале. Мы поняли, что попали в точку потому, что увидели: эти дети, которые с таким восторгом принимали нашу сказку, и есть наш будущий зритель. Конечно, зритель у нас и сейчас есть, но большей частью случайный. А на детских спектаклях мы можем воспитать своего постоянного зрителя, который будет взрослеть и с возрастом не потеряет к нам интерес. Здесь есть и вторая сторона, которая заключается в стимуле нашего роста: чтобы к театру не потеряли интерес, театр должен совершенствоваться. И об этом мы тоже помним. Не случайно при труппе родилась молодежная студия, для которой проводятся занятия по истории театра, по сценическому движению, даже по гриму. Здесь к нам на помощь пришел театр «Ванемуйне». И некоторые студийцы уже участвуют в спектаклях.

Так мы и живем. Только ли театром? Не только. Но к нему в итоге все сводится. Нас мало, и мы стараемся как можно чаще быть вместе. Мы — это Георгий Крюков, Людмила Ключко, Нина Березникова, Галина Иванова, Светлана Кирсис... Я назвал этих актеров, потому, что с ними сейчас работаю над «Чиполлино», но вообще-то нас гораздо больше. И вместе нам очень интересно, потому и дни рождения, и праздники отмечаем сообща. Разговариваем, поем. Каждый раз играем в свою игру. Что это за игра? Мы называем ее игрой в этюды. Делимся на две команды, и каждый пишет на бумажке какое-то слово, обозначающее предмет или понятие. Вытянувший бумажку должен то, что на ней написано, изобразить. Команда-победительница определяется по числу набранных очков. Между прочим, это не так-то легко — выиграть. Ну, например, как изобразить китайский чай? Как вообще сыграть чай? И при этом не индийский, не грузинский, не цейлонский, а именно китайский. Это действительно сложный этюд. Пришлось припомнить не только обычаи, но и самые разные мелочи. Этюд был разыгран великолепно. А самый смешной на моей памяти этюд — рыба камбала. Исполнительница дегла на пол и мимикой, пластикой, глазами, шуточно и достоверно изобразила камбалу. Все очень смеялись, но ведь это и тренаж отличный.

А каждый сезон мы начинаем в Саесааре, где песчанник, грибы, ягоды... Приезжаем сюда с семьями, с детьми. Отдыхаем. И здесь же начинаем репетиции, которыми потом суждено перейти на сценическую площадку. Иногда с погодой везет, и тогда вообще все замечательно. Но даже если дождь, и холодно, и сыро, мы все равно не бросаемся собирать вещи и возвращаться в город. Потому что мы вместе.

Н АДО ли режиссеру самому играть в спектаклях? Мне кажется, надо. Главным образом, затем, чтобы не потерять чувство сцены. Ведь когда тыходишь в образ, когда работаешь над ролью в качестве актера, у тебя включаются совсем иные центры, нежели когда ты режиссируешь. А совмещая актерскую и режиссерскую деятельность, можно добиться очень интересных результатов. Обязательно ли это? Нет, конечно. Мне кажется, это от человека зависит, от личности его. Мне, например, без актерской работы трудновато, именно поэтому я стараюсь выкраивать время, которого, к сожалению, так мало, и участвовать в спектаклях эстонской труппы, которые ставит главный режиссер театра Вендо Пяи. В своих тоже играть приходится, но это — явления, скорее, «технического» порядка: кто-то уехал, кто-то заболел — надо замещать в спектакле. Ведь народный театр — это не профессиональный, где все строго отлажено и спланировано. В народном театре неожиданностей гораздо больше. И к этим неожиданностям надо быть подготовленным, чтобы вся работа не полетела кувырком: у актеров есть основные занятия, не говоря уже о семейных проблемах, о том, что не в каждой семье готовы абсолютно смириться с тем, что человек столько времени отдает сцене. Впрочем, у наших актеров с этим, в основном, в порядке, служебные дела утрясти бывает куда труднее. Послали, например, человека в командировку, а ему сегодня или завтра спектакль играть — выкручивайся как хочешь. И выкручиваемся. Во всяком случае, такого не было, чтобы спектакль неожиданно сорвался. Мне кажется, потому что для наших актеров театр давно перестал быть просто увлечением. Они даже не рассматривают его в этом аспекте. Для них сцена — это то, без чего они жить не могут. Ведь помимо основной работы в различных учреждениях, на различных предприятиях — три-четыре раза в неделю репетиции. Более того, из-за театра — масса ограничений: в гости к друзьям иной раз не пойдешь, от многого другого приходится отказываться. И никто не заставляет — сами хотят. Нет, это уже не увлечение. Это самая настоящая работа, которая бесконечно требовательна, как любое настоящее дело.

Можно ли в таком случае сказать, что мы уподобляемся профессиональному театру. Ни в коем случае. Да это просто и нелепо. У профессионалов совсем другой уровень подготовки, совсем иные возможности, и я прекрасно отдаю себе в этом отчет. Впрочем, мы и не стремимся достичь профессионального уровня в том смысле, в каком это привыкли понимать. У нас — задачи иного плана. Они, в принципе, и объединили всех нас в народный театр. Спросите у любого актера, зачем ему нужна сцена? Убежден, ответы будут очень похожи, хотя люди у нас собираются самые разные — и в плане человеческой индивидуальности. Для них важней всего — процесс. Ведь